

Т.И. ТРОШИНА

СОВЕТСКО-ПОЛЬСКАЯ ВОЙНА И СУДЬБА КРАСНОАРМЕЙЦЕВ, ИНТЕРНИРОВАННЫХ В ГЕРМАНИИ В 1920–1921 годах

В августе 1920 г. в разгар советско-польской войны поход Красной Армии на Варшаву был прерван неожиданным и стремительным контрнаступлением польских войск. Часть красноармейцев оказалась перед неизбежностью польского плена¹. Отступая с боями на северо-восток, отрезанные друг от друга и от главного командования, советские бойцы и даже воинские части с той или иной степенью организованности стали переходить границу с Восточной Пруссией, где и были интернированы. В общей сложности, на положении интернированных оказалось до 50 тыс. советских военнослужащих. Из Восточной Пруссии они были вывезены по “Данцигскому коридору” в центральную Германию, где и находились в лагерях в течение 8 месяцев.

Советско-польская война 1920–1921 гг. и связанные с ней проблемы в последние годы привлекают внимание отечественных историков, которые, впрочем, оставляют рассматриваемый сюжет за рамками исследований². “Гостеприимство” немцев – бывших противников России по Первой мировой войне привлекает внимание исследователей белого движения и русской эмиграции³.

Исторический эпизод интернирования в Германии бойцов и командиров Красной Армии в 1920–1921 гг. интересен тем, что лагеря интернированных красноармейцев на территории Восточной Пруссии обладали определенной экстерриториальностью и являли собой модель раннесоветского экономического и социально-культурного устройства, каким его, возможно, впервые, смогла увидеть Западная Европа.

Источниковую базу исследования составляют как архивные, так и опубликованные документы и материалы.

В конце 1920 – начале 1930-х годов вышли в свет статьи командира красного кавалерийского корпуса Г.Д. Гая⁴, бойцы которого были интернированы в Германии. Работы Гая несут признаки субъективности, имея целью оправдать решение о переходе границы с Германией. О судьбе интернированных в Германии красноармейцев писал

Трошина Татьяна Игоревна – кандидат исторических наук, доцент Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (Архангельск).

Статья написана в рамках исследования, поддержанного грантами РГНФ (проекты № 12-11-29000а/С; № 12-01-00065а) и грантом Германского исторического института в Москве.

¹ *Матвеев Г.Ф., Матвеев В.С.* Польский плен. М., 2011.

² *Райский Н.С.* Польско-советская война 1919–1920 годов и судьба военнопленных, интернированных, заложников и беженцев. М., 1999; *Мельтюхов М.И.* Советско-польские войны: военно-политическое противостояние, 1918–1939. М., 2001.

³ *Ипполитов С.С., Недбаевский В.М., Руденцова Ю.И.* Три столицы изгнания. Константинополь. Берлин. Париж. М., 1999; *Русская армия на чужбине. Галлиполийская эпопея 1920–1921 гг.* М., 2003.

⁴ *Гай Г.Д.* На Варшаву! Действия 3 конного корпуса на Западном фронте. Июль–август 1920 г.: военно-исторический очерк. М., 1928; *его же.* Красным лагерем в Германии. М., 1928; *его же.* В германском плену: жизнь и быт интернированной Красной Армии в Германии в 1920–1921 гг. М., 1932.

дивизионный врач С.Ф. Вербов⁵, который был среди интернированных и тем самым избежал польского плена. Вербов, как некоторые другие интернированные, прежде всего из бывших офицеров, отказался возвращаться в Советскую Россию и стал эмигрантом.

Значительный пласт информации об изучаемых событиях присутствует в воспоминаниях, собранных в 1920-е годы “комиссиями по истории коммунистической партии и гражданской войны”⁶. В них содержатся подробности и зарисовки, которые трудно найти в других источниках. Мемуары участников событий наполняют историческую канву “личностным” содержанием. Однако авторы воспоминаний, рядовые красноармейцы и младший комсостав, не обладали всей полнотой информации о событиях; сообщаемые ими сведения требуют проверки и уточнения с помощью архивных источников⁷.

Судьба оказавшихся в Германии “большевиков” (так в отличие от интернированных русских военнослужащих старой и белой армии называли красноармейцев) была интересна как русским эмигрантам, так и немцам. Газеты того времени, прежде всего эмигрантские, публиковали информацию о лагерях и подробные очерки о быте интернированных.

Сопоставление и синхронизация всех видов источников позволили автору воссоздать в подробностях этот малоизвестный эпизод истории советско-польской войны.

В советской историографии война с Польшей рассматривалась как составная часть гражданской войны, недружественный акт со стороны бывших союзников по Антанте, агрессия белогвардейцев, поддержанных польским правительством⁸. Войну Советской России с Польшей нельзя рассматривать лишь как конкуренцию новообразовавшихся государств за территории, за контроль над соседями и борьбу за влияние в Европе. Состав обеих армий (в Красной Армии пытались создать польские подразделения, а в Войске польском значительная часть офицеров имели российскую военную подготовку), отношение к армиям со стороны местных жителей (немецкое население территорий, по итогам Первой мировой войны включенных в состав Польского государства, а также еврейское население, подвергавшееся насилию со стороны польских военнослужащих, встречали Красную Армию как освободительницу), идеологические лозунги воюющих сторон (интернациональные – у красноармейцев, националистические и антибольшевистские – у поляков) придавали войне двух государств, образовавшихся на развалинах бывшей Российской империи, признаки войны гражданской. Следовательно, одни и те же события могли получить различную, нередко противоположную интерпретацию современников, в зависимости не только от национальной их принадлежности, но и от идеологических убеждений. Человеческий фактор имел в этих обстоятельствах особое значение; он ярко проявился во время нахождения в лагерях интернированных.

⁵ Вербов С.Ф. “Даешь Варшаву!...” (из воспоминаний). – Русская мысль, Париж, 26.Х.; 2.ХІ.1967.

⁶ Государственный архив Архангельской области, Отдел документов социально-политической истории (далее – ГАОО ОДСПИ), ф. 8660, оп. 3; Трошина Т.И. “К полякам в плен попасть очень было нежелательно”: “поход за Вислу” и германские лагеря в памяти бойцов, политработников и командиров Красной армии. – Новый исторический вестник, 2013, № 3.

⁷ Государственный архив РФ (далее – ГАРФ), фонды: р-3333 (Центральная коллегия по делам пленных и беженцев); р-3341 (ЦК Российского общества Красного Креста); р-9491 (Бюро военнопленных при представительстве РСФСР в Германии, Отдел интернированных); р-9488 (Лагеря русских военнопленных в Германии); Российский государственный военный архив (далее – РГВА): ф. 47 (Военно-хозяйственное управление РККА); ф. 104 (Управление армиями Западного фронта); ф. 1265 (Управление 18-й стрелковой дивизии); ф. 1466 (Управление 54-й стрелковой дивизии); ф. 1470 (Управление 55-й стрелковой дивизии).

⁸ Кузьмин Н.Ф. Крушение последнего похода Антанты. М., 1958; Ольшанский П.Н. Рижский договор и развитие советско-польских отношений. 1921–1924 гг. М., 1974.

В основной массе красноармейцы, участвовавшие в польском походе, имели опыт побед в гражданской войне в центральной России. Однако сохранявшаяся в войсках партизанщина, стремление к постоянному наступлению, взятию препятствий “на ура”, создавала сложности для командования. Искусственно подогреваемый революционными лозунгами порыв Красной Армии к победе был недолговечен; в условиях отступления, других непредвиденных сложностей боевых действий, он вскоре смениться своей противоположностью – паническими настроениями и унынием.

Накануне наступления на Польшу некомплект боевых частей Красной Армии составлял 85%, недовывало 28% командного состава и 80% штабных офицеров⁹.

Войска для польского похода пополнялись за счет переброски подразделений с Северного и Северо-Западного фронтов, ликвидированных в связи с победоносным окончанием боевых действий, а также с Кавказского, где временно были прекращены активные операции. Некомплект личного состава сокращался за счет пойманных дезертиров и срочных мобилизаций. Пополнение не радовало командование, осознававшее, что ведение войны с хорошо отмобилизованной и подготовленной к маневренным действиям польской армией требует дисциплины и хорошей боевой подготовки. “В смысле людского материала”, сложность была не только в малочисленности, но в “качестве” и подготовленности пополнения. Отмечались “слабость строевой и тактической подготовки, расхлябанность комсостава и низкий уровень дисциплины”¹⁰. Беспokoила и ненадежность бывших белогвардейцев, мобилизованных в Красную Армию в связи с польской войной.

Уже на марше отмечалось массовое бегство мобилизованных; на фронте были случаи перехода к неприятелю как отдельных бойцов и командиров, так и целых частей. В полном составе перешел к неприятелю “белый” кавалерийский полк¹¹. Впрочем, некоторых красных командиров не отпугивало “белогвардейское прошлое” бойцов. Г.Д. Гай, судя по воспоминаниям, брал “сотнями” бывших белоказаков и вливал их в свой корпус: «Попавшие в плен под Новороссийском донцы были разоружены... после соответствующей “обработки” вновь вооружили, влили в состав Красной Армии... отправили на Польский фронт... Сдавшихся кубанцев также “перековывали” и отправляли на Польский фронт. Некоторые воевали так добросовестно, что получали награды. Охотно принимал кубанцев в свой корпус Гай; почти вся 15-ая дивизия... была укомплектована из кубанцев»¹².

Особенностью Красной Армии на Польском фронте была ее интернациональность¹³. В ней пытались сформировать немецкие и польские части – ядро будущих “красных армий” Польши и Германии. Однако поляки-красноармейцы неохотно переходили в национальные подразделения¹⁴, опасаясь попасть в плен “к своим”¹⁵. Немцы, напротив, в национальные части вступали охотно; многие руководствовались стремлением освободить от “захватчиков-поляков” свою родину – восточные германские земли, переданные Польше по итогам Первой мировой войны. Германское правительство, объявив в самый ответственный момент советско-польского военного конфликта о нейтралитете, предостерегало своих граждан от вступления в Красную Армию¹⁶.

⁹ РГВА, ф. 104, оп. 4, д. 538, л. 5, 7, 9.

¹⁰ Там же, д. 538, л. 5.

¹¹ Там же, оп. 2, д. 487, л. 342–343.

¹² Терский А. Белые у красных. – Новое русское слово, Нью-Йорк, 5.IX.1969.

¹³ “По национальному составу это пестрая картина: китайцы, татары, турецкие подданные, латыши, эстонцы, финны, немцы и венгерцы (большинство военнопленные, хорошо говорящие по-русски) – десятки и сотни каждой национальности”. – Воля России, Прага, 13.II.1921.

¹⁴ В Красную “польскую армию” вербовали польских пленных и поляков-красноармейцев. Однако организовать такую армию не удалось; создавались отдельные польские части. – РГВА, ф. 104, оп. 1, д. 26.

¹⁵ Вербов С.Ф. Указ. соч.

¹⁶ Голос России. Орган русской демократической мысли, Берлин, 23.VII.1920; Время, Берлин, 23.VIII.1920.

По свидетельствам современников, белополяки немцев-красноармейцев в плен не брали – убивали на месте. Однако при продвижении Красной Армии к германской границе немцы “небольшими группами и в одиночку” переходили на контролируемую ей территорию¹⁷. 15 августа 1920 г. командованием Красной Армии было решено на случай революции в Германии организовать из немцев “Отдельную бригаду особого назначения”, которая “могла бы сыграть роль первой регулярной бригады в будущей Красной Армии Германии”. Для “усиленной политической обработки” добровольцев “были затребованы политработники из германской секции при РКП”¹⁸.

Средний возраст немецких добровольцев составлял “23–24 года, до 80% обучены военному делу, многие с практикой прошлой войны. До 50% – бывший комсостав старой немецкой армии”. “Большинство из рабочих”, но “только небольшой процент перешел к нам сознательно, влекомый классовым чутьем. В большинстве это авантюристы”, искавшие заработков и приключений. Они “требовали выборного начала, а потому с первых шагов потребовалась железная дисциплина”¹⁹.

Но немецкую красную бригаду создать не удалось: большинство немцев, находясь на северном участке советско-польского фронта, вместе с красноармейскими частями, в составе которых они сражались, отступили на территорию Восточной Пруссии.

Итак, Красная Армия, ведя войну против Польши, представляла собой в политическом плане армию интернационалистов, дополненную военными специалистами, не разделявшими коммунистическую идеологию. Существующее напряжение внутри армейских подразделений – между “спецами” и “краскомами”, между идейными коммунистами и принудительно мобилизованными, с особой силой проявилось во время интернирования красноармейцев в Германии.

Стремительность наступления Красной Армии летом 1920 г., отрыв от баз снабжения вынуждал красноармейцев заниматься самообеспечением, вызывая тем самым недовольство местного населения. Возникали ситуации, когда ведущим наступательные бои войскам не успевали подвозить продовольствие и боеприпасы, не присылали подкрепление. Общее настроение наступающей армии передал в воспоминаниях доктор С.Ф. Вербов: «Несмотря на каждодневные победы, авантюрный характер продвижения чувствовался всеми, и по мере углубления в Польшу дух армии заметно снижался. Боевой ключ “даешь Варшаву!”, столь популярный в начале похода, звучал все менее победно и еще менее убедительно по мере приближения к цели»²⁰.

Рваная линия фронта, плохая связь между частями и отсутствие координации сил создали условия, при которых прорыв даже небольших польских частей обернулся для красных отступлением, которое вскоре приобрело беспорядочный характер.

Дорога на г. Млаву представляла неприглядную картину отступления частей 18 и 4 советских дивизий: “Всюду на обочинах лежало всевозможное имущество. Местами по дороге обозы, опережая друг друга, шли в 3–4 ряда. Артиллеристы тяжелых орудий пробивали себе дорогу мощью своих лихих упряжек, усугубляя этим тяжелое положение. В канавах лежали мешки сахарного песка, риса, ящики консервов. Продукты немногих интересовали. Лежали какие-то архивы. До [имущества] уже ни у кого дела не было, господствовал хаос... Долгие изнурительные бои, отсутствие сна и нормального питания превратило людей в пассивных наблюдателей и безвольную массу”²¹. Отступление пехоты прикрывал конный корпус Гая. Красные кавалеристы видели разбросанные вдоль дороги “подводы, коляски, автомобили, пишущие машинки, патроны, пулеметы. Попадались документы тыловых учреждений корпуса

¹⁷ Об этом вспоминал немецкий коммунист Людвиг Турек: “В 1920 г. пошли с товарищем на помощь советской армии, воевавшей с Польшей, попали в плен к литовцам”. – *Турек Л.* Пролетарий рассказывает. Жизнеописание немецкого рабочего. М.–Л., 1931.

¹⁸ РГВА, ф. 104, оп. 1, д. 26, л. 93–94.

¹⁹ Там же.

²⁰ *Вербов С.Ф.* Указ. соч.

²¹ ГААО ОДПИ, ф. 8660, оп. 3, д. 882, л. 50.

и пехотных дивизий, находились и сломанные денежные ящики и казенные кассы. По всему было видно, что по дороге в панике бежали как тыловые обозы, так и строевые части армии... Повсюду валялись трупы людей и лошадей, снаряды, повозки и пр. То и дело приходилось слезать с коней и расчищать дорогу. Пехота и обозы, тормозившие марш, заполняя деревни и все дороги, двигались по 2–3 версты в час". Сама дорога, "представлявшая картину панического бегства, разлагающе действовала на проходящие части"²².

Войска двигались вдоль немецкой границы, по разоренной во время наступления территории. Невозможно было достать продовольствие. В переполненных солдатами селениях места для ночлега приходилось брать "с боем". Регулярными были артиллерийские обстрелы и атаки польских частей. У красноармейцев не было ни боеприпасов, ни сил, чтобы защищаться. "Лошади и люди от голода и бессонницы еле двигались"²³. Во время похода всадники тащили за собой измученных лошадей, а бой нередко вели, спешиваясь. По словам командира Красной Армии, "мы были настолько изнурены, что больше совершенно не могли драться. Кавалерия спала на лошадях"²⁴.

Совсем близко от фронта была относительно благополучная, безопасная, мирная немецкая земля. "Люди, посланные на разведку, очень часто обратно уже не возвращались. Все случаи перехода границ моментально становились известны красноармейцам; их вера в прорыв и соединение с Красной Армией катастрофически падала"; не помогали ни угрозы, ни убеждения и уговоры. После ночевки командиры нередко недосчитывали своих бойцов"²⁵. "Несмотря на усиленный надзор, полки редели с каждым часом, переходя целыми сотнями границу, доверяя рассказам немецких пограничных солдат, что в Германии вся 4 и 15 армии живут хорошо и свободно"²⁶. Бойцы сговаривались небольшими группами, считая, что так им будет легче перейти границу. В основном так поступали пехотинцы, поскольку кавалеристы предпочитали держаться вместе, понимая, что именно массой могут противостоять неприятелю. Конники после кровопролитных атак захватывали бронепоезда. Настоящей опасностью для них была лишь авиация, обстреливавшая скопление кавалеристов из пулеметов.

Для командования Западного фронта судьба подразделений на северном участке долго оставалась неизвестной. Первые сведения о переходе отдельных частей через германскую границу были получены от красноармейцев, которым удавалось просочиться сквозь линию фронта. Согласно оперативной сводке от 25 августа 1920 г., "комполка 154 лично видел много винтовок и шашек, сложенных в порядке и охраняемых немецкими солдатами"²⁷.

Первыми перешли на территорию Восточной Пруссии части 4 армии: "Оставшиеся в живых к полудню 19 августа дошли до г. Серпца, отсюда идти уже было некуда... Живым попасть в плен к полякам не хотелось, решили лучше перейти границу". На стихийном собрании решили "делегировать надежных лиц к немецкому начальнику пограничной стражи и просить через него наше Бюро военнопленных о принятии нас и разрешении перехода границы". Через несколько часов из Берлина был получен положительный ответ. "К этому же времени прибыли фронтовики и других направлений фронта, оказавшиеся в таких же условиях. 22 августа... выстроившись походным порядком, направились к указанному немецкой пограничной стражей пункту". "Для более регулярного перехода и сохранения полного порядка нас разбили на группы

²² Гай Г.Д. На Варшаву!, с. 227.

²³ Там же, с. 228.

²⁴ Голос России, 23.VII.1920.

²⁵ Из донесений командиров: "Ввиду задержки из-за обозов и темноты часть красноармейцев рассеялась, видимо, перешла границу... Красноармейцы под впечатлением полученных сведений, пользуясь темнотой, постепенно рассеялись, видимо, решившись перейти границу". – РГВА, ф. 104, оп. 4, д. 580, л. 237.

²⁶ Гай Г.Д. На Варшаву!, с. 227.

²⁷ РГВА, ф. 104, оп. 4, д. 580, л. 237.

по родам оружия. В первую очередь были пропущены артиллерия и кавалерия, затем пехота и все прочие команды”²⁸.

Вечером 25 августа 1920 г. «измученные и голодные остатки доблестного 3 конного корпуса после 5-дневных упорных боев и прорывов... собрались на небольшой поляне на границе с Германией... Нет боеприпасов, нет хлеба для людей и корма для лошадей, нет связи с Красной Армией. Стонут раненые. Слышится мощное “виват” польской пехоты, которая сбивает наши арьергарды... На рассвете 26 августа организовано, с развернутыми знаменами, с пением Интернационала, под убийственным огнем тяжелой артиллерии перешли границу, уведя 600 раненых, 2 тысячи пленных и 11 польских орудий»²⁹.

Таким образом, 22–26 августа 1920 г. на территории Восточной Пруссии отдельными частями интернировались войска 4 армии (10, 12, 15, 18, 53, 54 дивизий, 3 конкорпус) и 15 армии (4 дивизии, 33 кубанской дивизии)³⁰. Число интернированных красноармейцев достигало 50 тыс. чел.

Граница Польши с Восточной Пруссией плохо охранялась с обеих сторон. Польские пограничники покинули ее при приближении советских войск. Отозваны были и союзные Антанты войска, располагавшиеся на спорных территориях, где готовился плебисцит по вопросу о государственном самоопределении. С немецкой стороны по условиям Версальского мирного договора приграничная территория была демилитаризована. Во время наступления советских войск, когда границу начали переходить прижатые к прусской границе польские отряды, германское правительство пыталось получить разрешение стран, продиктовавших Германии условия Версальского мира, на переброску к границе частей рейхсвера. Однако представитель советской стороны тогда дал обещание, что Красная Армия границу не перейдет³¹. Но переход границы все же состоялся, хотя и при других обстоятельствах: красноармейские части при пересечении границы с Восточной Пруссией были вынуждены разоружиться и подвергнуться интернированию на немецкой территории.

Переход красноармейцами границы нередко происходил в условиях реальной опасности для них или боя с поляками. Были и эксцессы: после разоружения на немецкой стороне основных сил красноармейцев поляки перешли границу, уничтожив открывших огонь немецких пограничников. Красноармейцы “добрых полчаса, безоружные, удирали от погони”³².

Переход границы был настолько массовым явлением, что немногочисленные вооруженные силы рейхсвера и полиции в Восточной Пруссии не в состоянии были обеспечить должную охрану красноармейцев при их движении к местам интернирования, нередко оставляя их без сопровождения. Небольшие отряды красноармейцев блуждали по приграничным территориям в надежде найти возможность обратного перехода границы и воссоединения с основными силами Красной Армии³³. При этом случаи воровства продовольствия, учитывая бедственное положение красноармейцев, были редкими. Местному населению рекомендовалось сообщать властям о таких эксцессах, поскольку нанесенный красноармейцами ущерб должен был возмещен советским государством, которое обязалось выплатить Германии все расходы, связанные с пребыванием на ее территории советских войск. Вопрос о компенсациях вскоре стал предметом дипломатического торга. Германское правительство стремилось завысить размеры своих трат, советская сторона собирала контраргументы. Этим объясняются регулярные поездки сотрудников отдела интернированных войск Бюро военнопленных

²⁸ ГААО ОДПСИ, ф. 8660, оп. 3, д. 492, л. 7.

²⁹ Гай Г.Д. В германском плену, с. 6, 7.

³⁰ РГВА, ф. 104, оп. 2, д. 347, л. 163.

³¹ Норден А. Между Берлином и Москвой. К истории германо-советских отношений. М., 1955, с. 346–347.

³² Вербов С.Ф. Указ. соч.

³³ ГААО ОДСПИ, ф. 8660, оп. 3, д. 513, с. 36.

в Берлине в лагерь, подробные опросы об условиях проживания и питания в пунктах интернирования, организованных немецкой стороной. Особый интерес вызывали все случаи репрессий по отношению к красноармейцам.

Проникновение частей Красной Армии на территорию Германии беспокоило местных жителей, однако, как сообщал корреспондент немецкой газеты, “за исключением небольших и вполне объяснимых краж съестных припасов, не известно ни одного случая насилия, ни одного посягательства на чужое имущество. Подумайте! Огромная, разбитая, изголодавшаяся армия, и притом еще большевики! Без сомнения сознание долга среди начальствующих лиц и выправка солдат должна была стоять на очень высокой ступени развития... Немецкие войска находятся в дружеских отношениях к большевикам, и все караульные команды хвалят добродушие интернированных войск и полную готовность повиноваться. В настоящее время для населения Восточной Пруссии нет никаких оснований для беспокойства”³⁴.

По официальному немецкому сообщению, “из некоторых мест приходят протесты против присылки русских. В связи с этим надо указать, что не было ни одного случая неповиновения русских. Из Москвы... войскам указано, что они не должны делать ничего, что может повредить корректным отношениям между Германией и Россией”³⁵.

Немцы готовились принять на своей территории для интернирования польские войска, которые пересекали границу, спасаясь от наступления русских. Однако в связи с изменившимися обстоятельствами лагеря начали спешно освобождаться от расположившихся там поляков и приспособивался для красноармейцев³⁶. Немцам не сразу удалось “развести” недавних противников. Советские и польские бойцы какое-то время находились в одном лагере, разделенные колючей проволокой: “ввиду частых кулачных схваток наших бойцов с поляками... их вскоре отправили в другой лагерь”³⁷.

Большинство красноармейцев было размещено в самом большом в Восточной Пруссии лагере Арис³⁸, который вмещал до 15 тыс. чел. Красноармейцев же было втрое больше. Красноармейцев расположили в бараках, которые после войны пустовали и нары в них частично были разобраны. Но мест в бараках на всех не хватило; большинство интернированных вынуждены были поселиться в разбитых на территории лагеря и даже за его пределами палатках. Возник “лагерь наподобие цыганского табора. По ночам горели костры, вокруг которых на голой земле валялись красноармейцы, кони, повозки, имущество”, – описывал первые дни в Германии Гай³⁹. По сообщению советского представителя в Берлине, “прилегающее к лагерю поле представляло из себя сплошной муравейник. Все копошилось, трудилось, зарывалось в землю... Небо ополчилось против несчастных интернированных... непрерывно извергало потоки дождя, и вся масса красноармейцев, в самых причудливых позах расположившаяся на улицах лагеря под защитой повозок, тряпок, веток и проч., являла собой весьма живописную и жалкую картину”⁴⁰. Среди интернированных было до 250 женщин, около 600 стариков и детей – преимущественно членов семей комсостава⁴¹.

Лагерь охранялся плохо, и некоторым красноармейцам удавалось выйти из него и договориться с местными жителями о ночлеге. Среди интернированных было немало владеющих немецким языком – уроженцев Прибалтики и “много бывших германских и австро-венгерских подданных, коммунистов, участвовавших в т.н. коммунистических международных батальонах”, которые, как писали в русских эмигрантских газетах,

³⁴ Голос России, 8.IX.1920.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же, 7.IX.1920.

³⁷ Гай Г.Д. В германском плену, с. 9.

³⁸ Здесь и далее названия лагерей даны в транскрипции, содержащейся в архивных документах.

³⁹ Гай Г.Д. В германском плену, с. 10.

⁴⁰ ГАРФ, ф. 9491, оп. 1, д. 58, л.72, 73.

⁴¹ Там же, д. 62, л. 33.

“толпами бродят по селам, выпрашивая продовольствие”⁴². По воспоминаниям одного интернированного красноармейца, его товарищ, латыш, «хорошо знал немецкий язык. Ему удалось убедить двух немцев приютить нас поодиночке на ночь. Они не сразу согласились, т.к. за это жандармы налагали штраф. Меня взял рабочий-маляр, член партии “независимцев”. ...Гостеприимная немка высушила всю мою одежду, основательно меня накормила и дала при уходе кусок хлеба, пожелав успешно добраться до России»⁴³.

Большинство оказавшихся на чужой территории красноармейцев находились в бедственном положении. Отступление Красной Армии было столь стремительным, что многие перешли границу без имущества; не было питания, одежда была истрепана. По словам журналиста, интернированные красноармейцы выглядели так: “изодранные, из кусков состоящие шинели, дырявая обувь или в лучшем случае деревянные набитые соломой сабо, куда засовываются завернутые в тряпки ноги, отсутствие рубашек и вообще нижнего белья, голодные и изнуренные лица... По внешности они напоминают нищих, только одежда еще хуже; среди нищих преобладают старики, а здесь зеленая молодежь”⁴⁴. Особенно тяжелой была ситуация в первые дни после перехода границы, когда не было налажено питание и вещевое довольствие десятков тыс. людей.

Лучше обстояло дело у тех, кто перешел границу с каким-то имуществом. На руках у красноармейцев было много советских денежных знаков, которые не имели хождения за границей⁴⁵. Но во время наступления в оккупированных красными войсками населенных пунктах торговцы первое время доверчиво их принимали. По словам одного из командиров 53 красной дивизии, бывшего офицера, был разрешен “легальный грабеж” путем официально установленного курса валют: 1 рубль = 2 марки. “Красные войска... набросились на магазины, стали все скупать, даже ненужное – вещи были так дешевы, что на родине можно было нажиться... Видел... красноармейцев, несших банками конфеты по 5 фунтов, кипами мануфактуру и т.п. ... Частная торговля постепенно закрывалась, цены стали расти, а товары пропадать”⁴⁶. По словам одного красноармейца, в Белостоке, куда их часть вошла 28 июля 1920 г. без боя, «была спокойная жизнь, магазины полны промтоваров, особенно шерстяных костюмных тканей и ювелирных изделий. Пошли в ход наши “керенки”, я приобрел карманные часы фирмы “Смега”... через несколько часов наших денег не принимали ни в одном магазине»⁴⁷. Но торговля на запрещенные к обороту “николаевские” рубли, которые пользовались у населения неизменным доверием, продолжалась.

В результате, на руках у некоторых интернированных оказались ценности и дефицитные в послевоенной Германии товары, которые легко можно было обменять на продовольствие. Те, кто не имел или не смог перенести через границу промтоваров, пытались выменять у крестьян продовольствие в обмен на казенное имущество. В ход шли лошади, телеги и прочее. Немалой ценностью было оружие. Дабы не допустить спекуляции им, красноармейцев разоружали прямо при переходе границы.

По свидетельству немецкого репортера, дельцы городка Арис, рядом с которым был расположен лагерь, в первые дни “успели... использовать тяжелое положение голодающих русских, [которые] в уплату за несколько фунтов хлеба отдавали золотые часы и другие ценности”. “Во всех углах и во всех концах Ариса”, который оказался переполнен сотнями спекулянтов, привлеченных сюда “фантастическими сообщениями печати о миллионных наживах и миллиардных сделках”, велась оживленная торговля: “имеются всевозможные товары, начиная от шнурков для ботинок, кончая

⁴² Время, 30.VIII.1920.

⁴³ ГААО ОДСПИ, ф. 8660, оп. 3, д. 513, с. 36.

⁴⁴ Воля России, 13.II.1921.

⁴⁵ Время, 6.IX.1920.

⁴⁶ Воля России, 9.XII.1920.

⁴⁷ ГААО ОДСПИ, ф. 8660, оп. 3, д. 882, л. 39об.

лошадьми”⁴⁸. Немецким властям и командованию интернированных войск удалось, наконец, установить порядок. “Барахолка” была ликвидирована, а спекулянты изгнаны с применением силы: “организованные шеренги из партийцев, комиссаров и сознательных бойцов с дубинками в руках... разгоняли эти рынки, выгоняя оттуда назойливых спекулянтов и немецких лавочников-кулаков”⁴⁹.

В условиях массовой спекуляции определенную товарную ценность приобрели и советские деньги. Предприимчивые барышники выменивали их по низкому курсу (по 3–5 марок за 1000 рублей), а затем продавали отъезжавшим в Россию бывшим военнопленным Первой мировой войны⁵⁰.

Первой задачей немецкой администрации было накормить массу людей, которые несколько дней отступления почти ничего не ели. “У всех нас есть было нечего, давно уже питались колосьями, собранными с польских полей, пытались разварить эти зерна и получить кашу без соли и какого-либо жира”⁵¹. Во время отступления, ведя “звериную борьбу за жизнь”⁵² в условиях постоянных боев и стремительных переходов, бойцы не думали о еде. Оказавшись в безопасности на территории Германии, стали испытывать гложущее чувство голода.

Немцы не сразу смогли обеспечить питанием несколько десятков тыс. интернированных. Питание соответствовало пайку немецкого солдата, однако для красноармейцев, привыкших к сытному фронтовому пайку, 250 грамм хлеба-эрзаца и овощного супа было явно недостаточно⁵³. Но и этого скудного довольствия не хватало на всех, поскольку не сразу удалось наладить точный учет интернированных. Первые дни интернированные употребляли в пищу казенных лошадей, а повозки использовали для устройства временного жилья и в качестве топлива для костров. “Круглые сутки бродили по лагерю группы людей, накидывавшихся на каждую валявшуюся кость, рывшиеся в отбросах и отправлявших непосредственно в рот попадавшие там под руку пищевые остатки. Люди промышляли также кражей лошадей, еще сохранившихся во множестве при отдельных частях, мясо которых они и варили в котелках... Столько вынесшие за время похода красноармейские лошадки в Арисе сослужили свою последнюю службу и спасли жизнь не одной тысяче красноармейцев”⁵⁴.

Питание на протяжении всех месяцев интернирования вызывало недовольство красноармейцев. Немецкий хлеб “из древесной муки”, желудевый кофе с сахарином, супы из сухих овощей не утоляли голода. К тому же присутствовала существенная разница в продовольственном обеспечении обитателей лагерей в зависимости от их расположения, поскольку цены в различных районах значительно отличались, а средства на пропитание выделялись одинаковые.

Свои претензии красноармейцы предъявляли регулярно посещавшим лагерь представителям советского государства и немецких властей. Эти жалобы, а также объективное состояние лагерей, тщательно анализировались с целью облегчить положение интернированных. Причин гуманного отношения немцев к интернированным было несколько. Во-первых, следовало не допустить недовольства красноармейцев. Гражданская война еще продолжалась, и этим могли воспользоваться многочисленные вербовщики “человеческого материала”. Во-вторых, жалобы красноармейцев могли быть использованы для предъявления немецкому правительству претензии при решении вопроса о выплате денег за содержание интернированных на территории Германии.

Вопросами находящихся в Германии русских военнопленных и интернированных периода Первой мировой войны занималось Бюро при генеральном консульстве Со-

⁴⁸ Голос России, 8.IX.1920.

⁴⁹ Гай Г.Д. В германском плену, с. 11.

⁵⁰ Воля России, 9; 10.XII.1920.

⁵¹ Коротких М.И. Воспоминания. – <http://www.onegaonline.ru/html/dz2/seetext.asp?kod=251>

⁵² Вербов С.Ф. Указ. соч.

⁵³ ГАРФ, ф. 9491, оп. 1, д. 197, л. 224–227.

⁵⁴ Там же, д. 58, л. 72–75.

ветской России. Русские эмигранты, интернированные военнослужащие белых армий на помощь этого учреждения, разумеется, рассчитывать не могли.

19 сентября 1920 г. при Бюро был создан отдел интернированных войск Красной Армии, заместителем заведующего которого стал Гай. Около 65% всех расходов советского правительства на содержание военнопленных было направлено на помощь красноармейцам. В частности, на их жалование (по 10 германских марок в месяц) за 4 месяца 1920 года было израсходовано 1 517 180 руб. Другие расходы шли на решение организационных вопросов и культпросветработу в лагерях, на материальную помощь интернированным, оплату командировочных расходов сотрудникам отдела, должностным лицам и членам лагерных комитетов⁵⁵.

Содержание интернированных, их питание, обмундирование и медицинская помощь возлагалось на немецкую администрацию. Советское правительство обязывалось до 1 июня 1921 г. оплатить Германии расходы, понесенные в августе – декабре 1920 г. в связи с приемом советских военнослужащих. Последующие расходы должны были компенсированы не позднее чем через 3 месяца после того, как они будут подсчитаны, обоснованы и представлены для оплаты советскому правительству, если не будет достигнуто соглашение об ином урегулировании этих издержек. За содержание интернированных за 4 месяца 1920 г. германское правительство выставило счет на сумму 67 млн. марок – цифра, по мнению советской стороны, “космическая и ничем не обоснованная”⁵⁶.

Созданная из представителей РСФСР и Германии комиссия должна была выяснить обоснованность выставляемых немецкой стороной счетов. Задачей советских членов комиссии было, кроме прочего, “выяснение и предъявление встречных претензий”, в частности, фактов изъятия у интернированных личных вещей, нанесение физического и морального ущерба. С этой целью в Россию были вывезены документы лагерей.

В 1921 г. был заключен советско-германский договор “Об обоюдном отказе от возмещения расходов на содержание военнопленных, по которому Германия отказывалась и от взыскания средств на содержание интернированных чинов Красной Армии”⁵⁷.

По договоренности с советской стороной, материальные ценности, доставленные на территорию Германии при переходе красноармейцами границы (оружие, кавалерийские и обозные лошади, подводы, автомобили), шли на покрытие расходов по содержанию красноармейцев. “Мертвый инвентарь” находился на хранении в крепости Лютцен. Лошади, которых не успели пустить в пищу изголодавшиеся красноармейцы, были переданы в аренду немецким крестьянам⁵⁸.

По международным законам, военнослужащие одной из противоборствующих сторон, интернированные на территории нейтрального государства до конца войны, обладали определенной экстерриториальностью. Однако пребывание десятков тысяч “большевиков”, даже разоруженных, в находившейся в состоянии революционного брожения Германии вызывало опасения как властей, так и населения Восточной Пруссии. С одной стороны, Красная Армия воевала с Польшей, к которой у немцев были немалые претензии после передачи ей по итогам Версальского мира германских земель. С другой – она несла идеи интернационализма и “мировой революции” и могла оказать военную и моральную помощь немецким коммунистам. Общественное мнение Германии не могли успокоить заверения советского правительства о невмешательстве интернированных во внутренние дела Германии и осуждение советской стороной инцидентов, возникавших по инициативе отдельных “горячих голов”.

Возможно, беспокойство немецкой общественности и военной администрации вызвало то, что уже через 2–3 дня после массового интернирования, в лагере Арис были

⁵⁵ Там же, л. 44.

⁵⁶ ГАРФ, ф. р-3333, оп. 3, д. 50, л. 71.

⁵⁷ Цитата из текста русско-германского договора, заключенного в Генуе 16 апреля 1922 г. – Гай Г.Д. В германском лагере. М., 1932, с. 96–97.

⁵⁸ ГАРФ, ф. р-9491, оп. 1, д. 168, л. 32; ф. р-3333, оп. 2, д. 185, л. 98, 99.

восстановлены штабы красных дивизий, бригад и полков, политчасти, трибуналы⁵⁹. При дальнейшей транспортировке интернированных в лагеря центральной Германии произошло, случайно или намеренно, нарушение воссозданного армейского порядка. Немецкая администрация постаралась разделить красноармейские части, расселив их бойцов по разным лагерям.

В сентябре 1920 г., опасаясь возможных приграничных эксцессов, а также с целью успокоить немецкое местное население, интернированные войска были перевезены в центральные районы Германии. Транспортировка осуществлялась морским путем и железной дорогой по так называемому “Данцигскому коридору” (по договоренности с Польшей). Для интернированных были приготовлены 11 лагерей в различных областях Германии: Цербст, Зальцведель, Сольтау, Лихтенгорст, Кенигсмоор, Ален-Фалькенбург-Моор, Гаммельн, Эрланген, Байрейт, Пархим, Заган. Отдельные группы красноармейцев были размещены в лагерях вместе с военнопленными Первой мировой войны.

По воспоминаниям Гая, его корпус в вагоны погрузился по подразделениям. Но по прибытии выяснилось, что во время ночных остановок вагоны “перепутали” и вместо казаков и кубанцев он “увидел толпу полураздетых людей... От наших – лишь 3 эскадрона кубанцев, штаб корпуса и его оркестр”⁶⁰.

Под предлогом помещения командиров отдельно от рядовых были попытки отделить комиссаров от основной массы красноармейцев. Такие попытки оказались удачны в тех лагерях, где не было политработников и красных командиров, которые брали на себя выполнение поступающих от советского командования распоряжений.

Внешним управлением деятельностью лагерей интернированных занималось командование Западного фронта. В белорусском местечке Мололдечно был размещен штаб 18 дивизии, которая находилась в стадии формирования из остатков частей, отступивших с северного участка Западного фронта, и возвращавшихся из польского плена и интернирования на территории Германии красноармейцев. Политуправление дивизии получало из лагерей отчеты о политико-моральном состоянии интернированных войск⁶¹.

По настоянию советского командования, демобилизационное управление Германии распоряжением от 27 ноября 1920 г. ввело управление лагерей по гарнизонному принципу, согласно Уставу о внутренней службе Красной Армии⁶². Во главе каждого лагеря были поставлены начальник гарнизона (как правило, старший воинский начальник, преимущественно партийный или из “сочувствующих”) и военный комиссар. При них имелся штаб и политотдел, состоящий из политического, партийного, культурно-просветительского отделов. Хозяйственная работа выполнялась управлением начальника снабжения, заведующим вещевым и пищевым довольствием, заведующими портняжной, сапожной и другими мастерскими. Вместо существовавших в Красной Армии трибуналов были созданы следственные комиссии, которые занимались расследованием проступков красноармейцев по представлению немецкой администрации, а также преступлениями немецкой охраны в отношении советских людей. Медико-санитарная работа выполнялась управлением санитарной части во главе с гарнизонным врачом. В каждом подразделении (бараке) создавались, как было принято в Красной Армии, выборные контрольно-хозяйственные комиссии, занимавшиеся распределением получаемого от германской комендатуры довольствия.

В лагерях созывались барачные и общелагерные собрания, решавшие вопросы внутренней жизни. “Комитеты лагерей” состояли из выборных от каждого подразделения. Представители лагерей собирались на съезды, устраиваемые в Берлине. Для такой поездки им предоставлялись личные и проездные документы. Отделу военно-

⁵⁹ Гай Г.Д. В германском плену, с. 11.

⁶⁰ Там же, с. 19.

⁶¹ ГАРФ, ф. 9491, оп. 1, д. 51.

⁶² Там же, д. 5, л. 28–29.

пленных удавалось таким образом вызывать в Берлин и отравлять в Советскую Россию отдельных людей.

Армейское руководство лагерей стремилось объединить красноармейцев одного боевого подразделения. Их помещали в отдельном бараке вместе с командиром, военкомом и строевым комсоставом. Комсоставу настоятельно рекомендовалось не отделяться от красноармейской массы. Независимо от армейского статуса интернированным выплачивалось одинаковое жалование. Воздействие на комсостав удавалось оказывать благодаря полулегально существовавшим партийным организациям: в бараках были “коллективы коммунистов”, в полубараках – партийные ячейки. Коммунистов среди интернированных было меньшинство, но они занимали ключевые должности и оказывали значительное моральное влияние на красноармейскую массу.

Среди интернированных существовала идейная пестрота. Для антибольшевистских настроений имелась благотворная почва: красноармейцы, в большинстве крестьяне, были настроены против политики “военного коммунизма” и недовольны затянувшейся войной на чужой территории. Бывшие офицеры, а также часть идейных красноармейцев и краскомов из “смирившихся” эсеров и анархистов, воодушевленные сообщениями с Родины, где зимой и весной 1921 г. один за другим вспыхивали антибольшевистские восстания, увидели свой политический шанс. Воодушевляла их и поддержка многочисленной русской эмиграции.

Особую “антисоветскую” активность проявляли бывшие офицеры, большинство которых прежде воевали с большевиками в составе белых армий. В направленной в эмигрантскую газету петиции группа офицеров, “частью из мобилизованных советской властью, частью попавшие в плен к большевикам из белых армий”, объясняла факт интернирования в Германии желанием воспользоваться “удобным случаем порвать с большевиками”⁶³. В ряде лагерей бывшим офицерам удалось фактически захватить власть в свои руки.

Нередко индифферентную в идеологическом отношении позицию занимали и красные командиры. Получая за выполнение различных начальственных функций дополнительно по 3–5 марок в день (при месячном жаловании в 10 марок), они отказывались выполнять общественные нагрузки. Отдел интернированных стал уделять политическому состоянию лагерей особо пристальное внимание. Отправляя “нежелательные элементы” в другие лагеря, удавалось изолировать их от остальных интернированных.

Из отчетов политотделов лагерей известно о существовании “антисоветских организаций”. В лагере Гамельн 50 офицеров и около 400 казаков объединились в “белый полк” во главе с “шайкой золотопогонников-офицеров”⁶⁴. “Отделившись от основной массы, они... заявили, что советской власти не признают, что попали в Красную Армию принудительно и желают подчиняться исключительно распоряжениям немецкого начальства”, в надежде выехать в Париж или Прагу.

Стремление отделиться от массы красноармейцев проявляли офицеры, желавшие воспользоваться своим правом на офицерские льготы и верующие казаки (как правило, раскольники), не желавшие мириться с антирелигиозной пропагандой, которая разворачивалась политотделами в лагерях. К подобным инцидентам было привлечено внимание европейской общественности и эмигрантов. Занимавшиеся делами интернированных красноармейцев советские органы объявили о прекращении снабжения продовольствием, обмундированием и денежным содержанием подобных отщепенцев. Это была нормальная практика: интернированная армия должна подчиняться правилам гарнизонной службы своей армии. Отказывавшихся подчиняться объявляли дезертирами. Внимание к “гражданской войне” в красноармейских лагерях было выгодно как самим противникам советской власти, давая им повод просить политическое убежище, так и властным структурам Германии и враждебно настроенной к Советской

⁶³ Рувль. Русская демократическая газета, Берлин, 19.XII.1920.

⁶⁴ ГАРФ, ф. 9491, оп. 1, д. 81, л. 12.

России эмигрантской общественности. Инцидент с “белым полком” стал обсуждаться на страницах немецких газет. В декабре 1920 г. вопрос о “терроре в лагерях” был поднят в рейхстаге⁶⁵. Под давлением напуганной “большевистской заразой” германской общественности в лагерях интернированных стали ужесточаться условия содержания, преследовалась политическая деятельность.

Однако желающих предоставить материальную помощь “жертвам большевизма” не оказалось ни среди местного населения, ни в русских эмигрантских кругах. Когда началось возвращение интернированных в Россию, большинство “записавшихся в белые” попросили вычеркнуть их из этих списков. Во время репатриации их подвергали особо тщательной проверке из опасения, что таким образом будут засланы в советскую Россию агенты иностранных разведок и связанные с белогвардейским подпольем диверсанты.

Внутреннюю жизнь лагерей отражают заполняемые политработниками статистические формы⁶⁶, в которых отслеживался состав интернированных, медико-санитарное состояние лагерей, сведения об удовлетворении основных бытовых потребностей интернированных, наличие красноармейских организаций, таких, как контрольно-хозяйственные советы, товарищеские суды, культпросветкомиссии. Лагерные политсводки фиксировали отношения между комсоставом, комиссарами и красноармейцами, наличие контрреволюционных настроений и организаций. Разумеется, формализованные отчеты не раскрывают всех оттенков жизни людей, оказавшихся после быстрого победоносного наступления на положении интернированных.

Среди интернированных было много молодых, социально активных людей. В их воспоминаниях немало рассказов об активной культурной и спортивной жизни, которую они устроили для себя во время вынужденного пребывания в лагере. Помощь в создании материальной базы (приобретение книг и учебных пособий, спортивного инвентаря, костюмов и грима для драмкружков) оказывали отдел интернированных войск, немецкие пролетарские организации, а также вездесущий Союз христианской молодежи Америки.

К концу 1920 г. жизнь в лагерях наладилась. Хорошо было поставлено школьное дело. Красноармейцев привлекали в школы дополнительным пайком и освобождением от нарядов. Учителя работали бесплатно, в качестве трудовой повинности, в лучшем случае за дополнительный паек. Посещение школы неграмотными и малограмотными красноармейцами было обязательным, вплоть до “применения репрессивных мер”. Дальнейшее обучение привлекало меньше: “некоторым достаточно того, что научились читать-писать, другие ленятся”⁶⁷. Специализированные курсы, особенно сельскохозяйственные, пользовались неизменной популярностью. Были в лагерях и школы политграмоты, посещение которых было обязательным для политруков и секретарей партячеек. Для остальных посещение занятий было добровольным, тем более что они проходили полуполегално.

Почти в каждом лагере были устроены театры, библиотеки, клубы, организованы спортивные секции. Наибольшим спросом пользовались концерты и спектакли в исполнении профессиональных актеров и любителей. В лагерях объявлялись конкурсы на пьесы о жизни интернированных. Представления были платные, часть заработанных денег шла на улучшение питания больных в лагерных лазаретах.

В клубах читались лекции о современном международном положении, внутренней политике Советской России, на исторические и мировоззренческие темы, устраивались вечеринки под патефон. Книги для библиотек передавались в порядке товарищеской помощи из лагерей русских военнопленных и закупались на средства Бюро. Особо интересовали интернированных газеты. В рамках договоренности о недопустимости коммунистической пропаганды на территории Германии, в частности в лагерях воен-

⁶⁵ Рухль, 19.XII.1920.

⁶⁶ ГАРФ, ф. 9491, оп. 1, д. 81, л. 1.

⁶⁷ Там же, л. 69–78, 91–97.

нопленных и интернированных, советские газеты в лагеря не допускались. Эмигрантские организации были бы рады снабжать соотечественников своими печатными изданиями, но в лагерях было разрешено распространять лишь политически нейтральные русскоязычные газеты: парижское “Общее дело”, берлинские “Руль”, “Новый мир” и “Голос России”, издававшуюся в Праге “Волю России”. Пресса бесплатно доставлялась немецкими коммунистами и частично выписывалась на средства, заработанные лагерными потребительскими кооперативами. Русскоязычные газеты много внимания уделяли судьбе интернированных красноармейцев. “Воля России” имела разворот под общим заглавием “Жизнь военнопленных и интернированных”.

В лагерях с помощью гектографа издавались малотиражные газеты. Были и рукописные журналы. В “журнале-сборнике” “Наш путь” (лагерь Зильцведель) помещались стихи и рассказы красноармейцев. Авторам, даже если их произведения не были помещены в журнале, выдавалась премия. В лагере Эрланген перед спектаклями устраивалась “живая газета”.

Среди культурных мероприятий особое внимание уделялось спортивным занятиям: игра в футбол, состязания в городки, легкая и тяжелая атлетика, борьба. На этом настаивали и врачи, опасавшиеся заболеваний и распространения депрессивных настроений у красноармейцев, вынужденных вести малоактивный образ жизни.

Культурно-просветительская работа в большей степени была внутренним делом “интернированной Красной Армии”. Зато санитарное состояние лагерей стало объектом пристального внимания немцев. В связи с появлением в Германии многолюдных большевистских “орд”, население особенно беспокоила возможность распространения эпидемий. В Красной Армии с тифом было практически покончено, и даже тяжелые условия, в которых оказались тысячи людей, не привели к значительному ухудшению ситуации. По сообщениям из Кенигсберга, “санитарное состояние беглецов в общем удовлетворительно” и “до сих пор не было вспышек никаких эпидемий”⁶⁸. Медицинская помощь требовалась только раненым красноармейцам.

Однако скудное пребывание большого количества людей при плохом питании, недостатке отопления, теплой одежды и белья создавало опасную ситуацию. Антисанитарная обстановка усугублялась недостатком в лагерях бань и дезинфекционных камер. И “если в первые дни интернирования отношение количества раненых к количеству больных было 4 к 1, то уже к 15 сентября 2 к 3”⁶⁹. Первое время люди заболевали в основном простудными и желудочно-кишечными болезнями – из-за недостаточного обмундирования и недоброкачественного питания. Но уже через три недели интернирования стали появляться случаи тифа. В наиболее заполненных лагерях (Пархем, Солтгау) распространение тифозных заболеваний приобрело форму эпидемии; количество заболевших доходило до 600 на лагерь⁷⁰. Однако летальных исходов в целом было немного. Этому способствовала хорошая организация медицинской помощи, осуществлявшейся русскими и немецкими врачами, а также профилактические мероприятия.

Однако в документах присутствуют критические замечания в адрес немецких врачей. Любые их недоработки фиксировались, возможно, с целью собрать больше материалов для оспаривания представленного германским правительством счета за содержание интернированных.

При содействии немцев в лагерях были оборудованы лазареты; для посещения врачей интернированным предоставлялся отпуск из лагеря. Был организован осмотр интернированных зубным врачом. При помощи германского Красного креста и на средства советского правительства были изготовлены протезы для красноармейцев-инвалидов.

⁶⁸ Время, 6.IX.1920; Голос России, 7.IX.1920.

⁶⁹ ГАРФ, ф. 9491, оп. 1, д. 58, л. 73.

⁷⁰ Там же, д. 62, л. 33.

Осуществлялся осмотр всех красноармейцев на предмет венерических заболеваний, выявленных больных свозили в специализированный лазарет в лагере Цоссен. Душевнобольных, по согласованию с немецкими властями, направляли на лечение в германские психиатрические клиники. Интернированные русские врачи наладили в лагерях санитарную службу. Были изолированы заразные больные, решен вопрос об обеспечении красноармейцев банными и прачечными. Проводилась вакцинация с целью не допустить заболеваний оспой и тифом. Таким образом, удалось не допустить распространение заразных болезней не только за пределы лагерей (чего опасались немцы), но и в самих лагерях. Следующим шагом стало воссоздание в лагерях системы санитарного контроля по образцу, существовавшему в Красной Армии. Медицинские работники были перераспределены по лагерям, в зависимости от количества находившихся там красноармейцев⁷¹. В каждом лагере был гарнизонный врач, а в крупных лагерях, где содержалось более 4 тыс. чел., еще и санитарный. «Санитарные тройки», состоявшие из старосты барака, фельдшера и выборного от красноармейцев, следили за чистотой в бараках и соблюдением санитарных норм. Младшему медперсоналу за работу жалования не полагалось. Мотивацией к труду была надежда на первоочередную отправку на родину⁷².

Особой проблемой стали женщины. В основном – жены комсостава, а также медперсонал, служащие на низших штабных должностях и в хозяйственных отрядах (прачки). Немало было беременных и количество их увеличивалось, поскольку в лагерях женщин от мужчин не изолировали. Наличием женщин объясняли и вспышку венерических заболеваний. Венерички составляли 10% заболевших (15 из 150). По мнению автора доклада о состоянии медицинского дела в лагерях, реальное их количество было выше; «после сомнительного излечения они выходят и общаются с красноармейцами»⁷³.

Вопрос о возвращении интернированных в Советскую Россию обсуждался с первых дней перехода красноармейскими частями границы Восточной Пруссии. Германское правительство было готово отправить на родину прежде всего политработников и комиссаров, опасаясь, что те могут вступить в контакты с революционными силами Германии.

Красноармейцы, особенно политработники, пугали немцев своим внешним видом и социальной активностью. По описаниям журналистов, красноармейцы-коммунисты «вид имеют самый ухарский и дикий, с красными значками и советскими звездами»⁷⁴. Эмигрантские газеты писали: «коммунисты поражают своей уверенностью в победе. Все они чрезвычайно действенны, активны, энергичны... Костюм: шлем суконный с красной звездой, красные бархатные галифе, коммунистический значок на гимнастерке. Впечатление внушительное»⁷⁵.

По свидетельству красноармейцев, при проходе их через немецкие города, даже если это происходило ночью, все население выходило смотреть на «большевиков»⁷⁶.

Советское правительство было заинтересовано вернуть в ряды армии самых преданных членов большевистской партии⁷⁷. После подписания 12 октября 1920 г. соглашения о перемирии и прелиминарном мире немцы предложили репатриировать одинаковое количество людей с обеих сторон. Таким образом, можно было вывезти из Германии 2–2,5 тыс. красноармейцев – именно столько там находилось интернирован-

⁷¹ Среди интернированных было 80 врачей, 600 помощников лекаря, более 1500 санитаров, 50 санитарок и сестер милосердия. – ГАРФ, ф. 9491, оп. 1, д. 62, л. 33.

⁷² Там же, д. 58, л. 80–81; д. 5, л. 24.

⁷³ Там же, д. 89, л. 3.

⁷⁴ Руль, 26.XI.1920.

⁷⁵ Голос России, 18.I.1921.

⁷⁶ ГААО ОДСПИ, ф. 8660, оп. 3, д. 492, л. 80б.

⁷⁷ «Нужных людей» вывозили нелегально, по документам других военнопленных, отправка которых возобновилась в мае 1920 г. – ГАРФ, ф. 9491, оп. 1, д. 99, л. 15–19.

ных поляков⁷⁸. В первую очередь возвращались партийные работники и гражданские лица – женщины, дети, медицинский персонал.

В феврале 1921 г. во время мирных договоров в Риге польской и советской сторонами было подписано “дополнительное соглашение”, по которому возвращение интернированных красноармейцев могло осуществляться до ратификации мирного договора⁷⁹. Из всех лагерей Германии красноармейцев доставляли в лагерь Альтдамм, где они ожидали очереди на отъезд. Транспортировка производилась сухопутным путем через Ригу и морским – через Штеттин в Петроград.

Отказавшиеся возвращаться в Советскую Россию были переведены в лагерь Кассель. Они объединились с оставшимися в Германии военнопленными Первой мировой войны и интернированными белыми в Союз бывших интернированных и военнопленных, остающихся в Германии⁸⁰.

После окончания советско-польской войны десятки тыс. вернувшихся на родину красноармейцев прошли через фильтрационные пункты. Бывшие интернированные получали двухмесячный отпуск (как полагалось по болезни); возвращавшиеся из плена сразу же направлялись в запасные части. Подчеркивалось, что “указанное разграничение интернированных и военнопленных подлежит строгому соблюдению”⁸¹.

Позднее факт пребывания в польском плену и интернирования в Германии стал негативно влиять на судьбу вернувшихся в советскую Россию красноармейцев и командиров. Факт их интернирования на территории Германии предпочли забыть. В силу специфики политического режима в советской России и СССР, осуждение встречала любая альтернатива вооруженной борьбе, в частности, пребывание в плену или нахождение на территории нейтрального государства. Лишь в постсоветской России стало возможно изучать эту страницу истории.

⁷⁸ Там же, ф. р-3333, оп. 2, д. 185, л. 270–271.

⁷⁹ Там же, оп. 3, д. 50, л. 16; Новое положение об интернированных. – Новый мир, Берлин, 24.V.1921.

⁸⁰ Извещение от Временного Правления Союза бывших военнопленных и интернированных в Германии. – Воля России, 31.VII.1921.

⁸¹ ГАРФ, ф. р-3333, оп. 3, д. 50, л.1, 13.